

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5386>

Дата подачи статьи: 10 февраля 2020 г.
Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ БОРИСА ЗАЙЦЕВА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЭТИКИ

Виктория Захарова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>

E-mail: victoriazaharova95@gmail.com

Аннотация: Объектом исследования в данной статье являются малоизвестные путевые очерки Бориса Константиновича Зайцева, ранее публиковавшиеся в эмигрантской периодике и недавно изданные в Санкт-Петербурге [Зайцев 2018]. Целью анализа является обнаружение, на материале путевых очерков Б.К. Зайцева о Франции, Финляндии, Италии, свойственных мировосприятию писателя аксиологических констант и выявление присущих ему особенностей геопоэтики. Это, к примеру, восприятие современного бытия сквозь призму религиозно-философских воззрений, сквозь непреходящие ценности мирового искусства. Важно увидеть, что писатель умел на малом пространстве текста показать неповторимую взаимозависимость истории, собственно географического пространства – государства, города – и национальной судьбы народов, что определяет онтологическую масштабность его произведений.

Ключевые слова: Зайцев, геопоэтика, путевой очерк, онтология

Submitted on February 10, 2020

Accepted on March 8, 2020

TRAVEL ESSAYS BY BORIS ZAITSEV DURING THE PERIOD OF EMIGRATION: AXIOLOGICAL ASPECTS OF GEOPOETICS

Victoria Zakharova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>

E-mail: victoriazaharova95@gmail.com

Abstract: This report analyses the little-known travel essays by B.K. Zaitsev, previously published in the expat periodicals and recently published in St. Petersburg (B. Zaitsev, *Glimpses of the Eternal. Unknown short stories, essays, memoirs, interviews / Comp., Entry article, subparagraph of the text and commentary by A.M. Lyubomudrov. St. Petersburg: LLC Publishing House “Rostok”, 2018*). The purpose of the analysis is to discover, in the material of travel essays by B.K. Zaitsev about France, Finland, and Italy, axiological constants characteristic of the writer’s worldview and to reveal the inherent features of geopoetics. This, for example, is the perception of modern life through the prism of religious and philosophical views, through the enduring values of world art. It is important to see that the writer was able in a small space of text to show the unique interdependence of history, the actual geographical space – the state, the city – and the national fate of peoples, which determines the ontological scale of his works.

Keywords: Zaitsev, geopoetics, travel essays, ontology

Русским эмигрантам, оказавшимся на чужбине, пришлось невольно осваивать целый мир – в самом прямом смысле этого слова. География эмигрантского рассеяния необъятна. И художественное творчество оказалось в уникальной роли: благодаря ему мир лучше узнал Россию.

Очень верно писал об этом Вадим Крейд, имея ввиду поэзию русской эмиграции. Приведя ряд примеров, исследователь заметил:

Все это – не туристические открытки, а биографические переживания. Чаще всего поэты-эмигранты писали о России, но в их поэзию вошло все многообразие земных широт, долгот и столетий русской культуры. Страна обитания дает порой о себе знать не только в темах и мотивах, но и на более тонком поэтическом

уровне – в интонации, ритме, жесте. «Глобальная деревня» осваивалась поэтами эмиграции не по путеводителю, а по необходимости. Муза дальних странствий любит экзотические наряды, но, когда экзотическое становится будничным, своим околотком и околицей, наступает второе видение, как приходит второе дыхание в марафонском беге [Крейд 1991, 5].

Б.К. Зайцев в эмиграции создал множество прекрасных произведений в жанрах путевого очерка, эссе, воспоминаний о различных путешествиях, поездках, где отразились его впечатления, выражающие необычайное внутреннее богатство натуры этого писателя.

Обратимся к малоизвестным путевым очеркам Б.К. Зайцева, ранее публиковавшимся лишь в эмигрантской периодике и недавно изданным в Санкт-Петербурге Алексеем Марковичем Любомудровым. На ограниченном пространстве данной работы выделим лишь ряд очерков о Франции, Финляндии и Италии, написанных в основном в 1920-е – 1930-е годы.

Все эти очерки озаглавлены названиями мест, которым они посвящены. Каждый из них замечательно представляет читателю определенный город, край в его самобытной неповторимости. И вместе с тем мы через восприятие писателя приобщаемся к неким аксиологическим константам, общим для всех.

Так, первый из цикла очерков *Прованс*, посвященный древнему городу Драгиньяну, эпиграфически начинается словами: «Узкоколейка с крошечными вагончиками приятна тем, что напоминает детство и глушь России (...)» [Зайцев 2018, 109]. Это совершенно определенная доминанта вообще многих эмигрантских путевых очерков, рассказов: во всем увидеть Россию, которая никогда не уходила из их сердец и потому напоминала о себе как некая метафизическая сущность, а не просто конкретное узнавание в эпизоде.

Дистанцированный взгляд писателя «из окна вагона» выхватывает не только красоту пейзажа:

А потом поворот и открылась долина, широкая, светлая, в ней Драгиньян (...) Некая благословенность есть в этих местах. Их любят люди, любят здесь осесть и обзаводиться, на столетия начинать пряжу свою – ежедневной и трудовой, мирной и сладостной жизни [Зайцев 2018, 109].

Так в одной фразе у Зайцева представлена схваченная им концепция бытия французской провинциальной жизни: такой же целесообразной своим трудовым ритмом, какой свойственен жизни мирных тружеников в любом другом месте земли. В этом усматриваются черты идиллического хронотопа, о которых писал Михаил Бахтин применительно к античности:

Это выражается прежде всего в особом отношении времени к пространству в идиллии: органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки [Бахтин 1975, 374].

В очерке *Арль* есть фрагмент, посвященный музею Арлантен – музею провансальской народной культуры, основанному Фредериком Мистралем, – Зайцев называет его «музеем любви к Провансу» [Зайцев 2018, 131]. Писатель воспринимает его именно так, как свойственно представителю русской эмиграции первой волны:

Всякого, у кого есть чувство земли, родины и кровной связи с нею, этот музей пронзает. Он особенно трогает русского на чужбине. Вот жил Мистраль, в нескольких километрах от Арля, и всю жизнь отдал родной земле. Создал новый язык и поэзию, и написал эпопею Прованса. Собою выразил всех. Как и Данте, Мистраль – энциклопедия своей страны: люди, пейзажи, обычаи, воздух, солнце Прованса... – все у него. Получив Нобелевскую премию, он и ее отдал – на устройство музея, на прославление родины (...) Сколько музеев я видел! Но этот, небольшой, скромный, где кроме меня бродило еще два-три человека, вызвал чувство почти религиозное: вот она, связь с землей, с родными богами, таинственная пряжа, называемая нами культурой, *уважением* (новое определение культуры: культура есть уважение) [Зайцев 2018, 131] (Курсив автора).

В этом фрагменте отчетливо видны черты зайцевской «ностальгической геопоэтики»: пиетет перед культурой другого народа, перед возможностью прославить *своим трудом свою землю*, сочетается с горестным чувством отторженности от родного, ставшим уделом русских эмигрантов.

Б. Зайцев в своих очерках поражает своими познаниями истории тех мест, в которые он направился. При этом писатель умеет обнаружить в прошлом аксиологическую значимость вековых духовных традиций. Так, он пишет:

Сильны в Драгиньяне были замечательные учреждения – братства. Объединялись ремесленники разного рода оружия, просто граждане с целью сообща творить дела милосердия, благотворения, проповедовать. Вот высокий стиль жизни в скромном городе. И вот защита против пошлости. Брали имена святых: братство св. Бернарда, св. Себастьяна или Спасителя, Св. Духа [Зайцев 2018, 111].

Выражение тонкого понимания основ христианского вероучения на примерах осмысления полученных впечатлений – одна из черт поэтики очерков, придающая им цельность. Один из самых ярких примеров здесь – очерк

Авиньон. В нем главное впечатление – огромное Распятие перед храмом под открытым небом, запомнившееся автору во время более ранней поездки в Авиньон: «И тогда и теперь так странно, пронзительно-волнующе оно действовало» [Зайцев 2018, 134]. Вызванное этим образом воспоминание оживает на страницах очерка. В прежний приезд, под Пасху, он оказался свидетелем, как в Собор, где полулежало распятие, приходили дети «поклоняться Ему» [Зайцев 2018, 134]. Писателя тогда глубоко тронуло увиденное:

Я хорошо помню детей с цветами – они становились на одно колено, крестились и целовали Распятого. Они ласкали и Его израненные ноги, один простенький, небольшой мальчик даже как-то приник к потемневшему дереву, гладил его, разложил на нем свои цветы – часть к голове, часть к стопам – удивительным показалось мне это отношение детей к Богу. Они Его не боялись, а любили [Зайцев 2018, 134].

Зайцев, как это свойственно ему, «поднимает» увиденное над сиюминутным, «здесь и сейчас» увиденным, – соединяет временное с Вечным, – особенно, когда речь идет о сакральных вещах: «В тот прохладный, ветреный авиньонский день в храме Богоматери Бог как-то был среди детей, и дети воистину были в Боге» [Зайцев 2018, 134].

И здесь же обнаруживаем еще одну важную черту художественного восприятия писателя: сокрушенное понимание им несовершенства и греховности человеческого сообщества, утратившего детскую цельность сознания. Здесь, в Авиньоне, Распятие обращено к той части города, в которой расположены притоны с красными фонарями. Поэтому Зайцев завершает этот фрагмент очерка сокрушенным размышлением: «Вот потому и запомнилось, и пронзает: Господь устремляющийся, Господь зовущий... Дети слышат Его. Взрослые...» [Зайцев 2018, 134]. Понятно при этом, что речь идет не только об Авиньоне. Обобщение закономерное, ибо в христианстве нет «ни эллина, ни иудея».

Во многих путевых очерках и воспоминаниях Зайцева восприятие увиденного непременно вызывает литературные ассоциации, способствующие необычайному семантическому обогащению текста. Как известно, Зайцев любил и хорошо знал творчество Данте. Не случайно в метатексте его произведений можно встретить множество дантовских аллюзий и реминисценций. Так и здесь. Очерк *Аббатство Тороне*, к примеру, начитается так:

Если я выйду из-под чудесных каштанов Люжета, спущусь аллеей тутовых деревьев, и, слегка поднявшись из долины, пересекши пыльную дорогу, вступлю тропинкою в глухой, пустынный лес, – сосны да кустарники, под рукой

голубоватая лаванда, тмин, дикий укроп, – то, пожалуй, это и дантовский «selva selvaggia, ed aspra e forte» [Зайцев 2018, 116].

Строчка эта переводится так: «Дикий лес, дремучий и грозный» (ит.), – метафора того состояния героя, которое изображено в *Божественной комедии* в самом ее начале.

И заканчивает Зайцев свой очерк об аббатстве Тороне проекцией на Данте: «Солнце скрылось. Чтобы не заблудиться окончательно, надо было возвращаться – тоже на глухую, каменистую, дантовскую – все же тропу» [Зайцев 2018, 121]. «Дантовская тропа» как непрерывный путь духовных исканий – геопозитический образ, очень близкий автору. Именно мифологема «пути» для него оказалась ключевой, ее присутствие обнаруживается во многих его произведениях, начиная с ранних, дооктябрьских, – к примеру, в романах *Дальний край* (1913), *Голубая звезда* (1918), – и «ложится» на обложку его главного произведения – автобиографической тетралогии *Путешествие Глеба* (1937–1952).

Так буквально одно слово (но какое – «дантовский») укрупняет смысловую емкость путевого очерка у Зайцева, придает ему онтологическую значимость.

Примеры такого рода можно умножать, – так, один из фрагментов очерка *Авиньон* заканчивается изображением увиденной панорамы: «В сияющей дали, над коричневатыми крышами – Воклюз, где жил Петрарка» [Зайцев 2018, 135]. Особенно выделяется в этом плане очерк *Отейль*. Это – название квартала в парижском округе Пасси, где обосновалось много русских. Для Зайцева – это не просто место проживания. Он прекрасно знает, сколько литературных имен мировой значимости связано с этим пригородом столицы, какой богатой была его история. И здесь рождаются у писателя замечательные мысли:

Годы и годы, чужая земля... Все длинной полоса жизни в Отейль. Радости малые и большие, горести большие и малые уже связаны с этими тихими краями. Что-то они в нас вносят. Что-то и мы им даем. *Может быть, от ежедневных наших прохождений не совсем уж те улицы, и мы – не совсем те – от них.* Друг на друга влияем, как влияли на эти края целые поколения до нас живших, как на них некогда влияли свежие рощи и виноградники Отейля... Чувство движения, но и вечной правды каждого времени, “преждепочивших отцов и братьев” – всегдашнее единство бытия текучего, плывучего, “реки времен” [Зайцев 2018, 166] (Курсив мой. – В.З.).

Тут мы попадаем в самый фокус лучей, высвечивающих ядро зайцевской геопозитики: писатель убежден во *взаимосвязи живущих и живших*,

в ментальной взаимозависимости человека и пространства. Понимание сущности подобной интерференции трудно переоценить.

Далее в этом очерке, писатель как бы развертывает «летописи благородных мест» [Зайцев 2018, 166] и негромко убеждает читателя в проявлении самых различных вариантов такого взаимовлияния, – начиная с древнейших времен. И завершает примером из новейшей истории: «новое, странное племя появилось в Отейле: русские» [Зайцев 2018, 187]. Так, с мягкой иронией, писатель рассуждает: «Тут некая странность, иной раз и сам себя спрашиваешь, почему это мы, перекати-поле, ведущие жизнь самую “случайную”, оказались в таком количестве в таком серьезном месте?» [Зайцев 2018, 178].

Но при этом он убежден, что, десятилетиями живя здесь, русская эмиграция, возможно, несколько «русифицирует» местность и вместе с тем, принимает ее черты, что не мешает ей оставаться в рамках своей национальной традиции. Зайцев вспоминает одно из собраний русских писателей в маленьком кафе:

Рядом с домом Мольера и кабачком Расина, недалеко от усадьбы Буало обсуждались особенности языка Лескова. (Русские принесли-таки свои святыни в латинское место, без этого мы не можем, и надо порадоваться, что принести *есть что*). Хорошее это было собрание. Оставило своеобразный след: русско-отейльский» [Зайцев 2018, 178. (Курсив автора).

Италия имела в жизни Б. Зайцева особое значение. С ней были связаны прекрасные воспоминания молодости. В эмиграции они обострились. Об этом есть глубокие исследовательские работы современных литературоведов [Комолова 1998; Анри (Глушкова) 2001; Рылова 2013].

Для Б. Зайцева Италия была прежде всего страной св. Франциска. Так назвал он переработанный в 1929 году очерк *Ассизи* для газеты «Возрождение», написанный в 1918 году и опубликованный в 1923 году в Берлине в книге *Италия*, о чем сообщает в своих примечаниях А.М. Любомудров [Зайцев 2018, 579].

Страна св. Франциска, его родина, это, по Зайцеву, не только «край, казалось, бескрайний»:

Это была страна святого, *безбрежная и кроткая тишина*, что составляет душу Ассизи, что вводит весь строй человека века в ту ясность и пловучесть, когда уходят чувства мелкие и колющие – дальше становится своим, любимым. Позабудешь все надломы, – только смотришь, смотришь [Зайцев 2018, 182] (Курсив мой – В.З.).

Здесь мы встречаем столь свойственную для геопоэтики Зайцева особенность: наделение окружающего пространства одухотворенностью, а когда речь идет о восприятии святости, то и сакральностью. Природа и человек оказываются рядоположны перед Вечностью в ее христианских ценностных началах. При этом *дальнее* соотносится с современностью очень органично: «Не знаю, чем теперь занимаются эти жители. Но по облику их жилищ можно подумать, что недалеко отошли они от святой бедности, которую проповедовал учитель» [Зайцев 2018, 183] (Курсив автора). И далее: «Кажется, тут трудно гневаться, ненавидеть, делать зло» [Зайцев 2018, 185].

В 1949 году в *Русской мысли* публиковались четыре очерка об Италии [Зайцев 2018, 579–580]. Зайцев побывал там с женой Верой Алексеевной вновь спустя 25 лет жизни во Франции. Италия их молодости, выпавшей на дореволюционное время, вставала в своей полюбившейся возвышенной красоте: «Для многих из моего поколения Италия не просто страна, – признавался писатель, – “Лучший мир”, куда можно уйти от серости, обыденности или ужаса...» [Зайцев 2018, 187].

Разумеется, восприятие Италии как сокровищницы мирового искусства – закономерное многовековое явление. Но у каждого человека эти сокровища воспринимаются через собственный жизненный опыт, а опыт эмиграции – совершенно особенный. И очевидно, что именно этот взгляд: человека эмиграции, прошедшего через страшное горнило революционных катаклизмов и войн – отличает здесь геопоэтику Зайцева. Даже его любимый Данте в очерке о Флоренции вспоминается так: «Направо за углом, шагах в полутора-раста, родился и до тридцати пяти лет жил Данте, первый великий эмигрант Европы» [Зайцев 2018, 195].

Италия для Зайцева – это символ Вечности тех ценностей, которые воплощают духовность, свет, красоту, высшие начала бытия. В романе *Золотой узор* (1926) есть такая фраза: «Не сдвинуть Рима времени» [Зайцев 1991, 295]. Верно наблюдение, что «судьбы России начала XX века осмыслены в романе исторически и сопоставлены с судьбами античной и европейской цивилизаций» [Комолова 2006, 121]. На Вечное «настраивался» геопоэтический код художественного мышления писателя.

И здесь, в очерке, читаем: «Приятный, первый в Италии настоящий колокольный звон. “Ничего, все в порядке. Мир стоит еще на своем месте”» [Зайцев 2018, 190]. Волнения от встречи с прекрасным, с любимыми художниками выражают строки: «Дышал воздухом величайшего, что дала бедная наша земля» [Зайцев 2018, 201]. И характернейшая черта здесь – пушкинский мотив

благодарения при воспоминании о молодости: «Но все, что было пережито, да будет благословенно. Да будет благословенна молодость и незаслуженное счастье» [Зайцев 2018, 199]. Свою признательность Зайцев обращает и непосредственно *городу*, с которым его связывало особенное чувство:

Флоренция дала лучшие дни жизни. Молодости – свет и восторг. Зрелым годам, отрезанным бедствиям войн, потрясений, – утешение воспоминаний (второй мир, рядом с непереносимым). И теперь, в обстоятельствах почти невозможных, надо было вновь увидеть ее – бегло, едва ли не сквозь сон: но увидеть и поклониться. Наверное – попрощаться [Зайцев 2018, 195].

Очерки о Финляндии интонированы совершенно иначе. Финляндия как самое территориально близкое к России государство всегда воспринималась русскими в Европе как особая приграничная зона: родина, казалось, совсем рядом, и одновременно так недоступна. Это обусловило особенно пронзительную ноту ностальгии в «финских» очерках Б. Зайцева, как и других эмигрантских писателей.

Очерки написаны в 1935 г. под впечатлением поездки в Финляндию вместе с женой по приглашению родственницы Веры Алексеевны Зайцевой Анны Кауше [Зайцев 2018, 583–585].

На берегу финского залива, в курортном местечке Келломяки, объясняет Зайцев, легко можно было узнать, кто здесь русский: «Если с биноклем, значит, русский. Финну неинтересно глядеть вдаль. Русский же видит ни больше, не меньше – родину» [Зайцев 2018, 209]. И, конечно, ее восприятие идет чрез тяжелые воспоминания обстоятельств изгнания. Глядя в бинокль на Кронштадт, одна из дам сказала: «Голгофа России» [Зайцев 2018, 209].

Резко очерчено здесь у Зайцева в восприятии границы: «свое» – «чужое». «Свое», Россия, оказывается теперь отчужденным, опасным, а «чужое», Финляндия – спокойным и мирным убежищем.

Для эмигрантов из России Финляндия была дорога еще и тем, что из нее можно было попасть на остров Валаам. Очерк *Валаам* интересен тем, что писатель не только с благоговением впитывает в себя высокий образ монастырской жизни («старцы дают нам образ духовного мира, некий намек на Царствие Божие» [Зайцев 2018, 214]). Зайцев выражает свое беспокойство о будущем этого святого места, понимая опасность оскудения иноческой братии в ситуации изгнания. Но мудрость писателя выразилась здесь в его убежденности: «в истории многовековых созданий, как Афон, Валаам, надо мерить мерою крупной» [Зайцев 2018, 214]. Он размышляет:

дальнейшее будет зависеть от судеб Родины нашей, судеб самого православия. Сейчас, когда смотришь на немногочисленных молодых валаамских монахов, думаешь, что вот им-то предстоит одинокое хранение святыни русской. Доживут ли они до времени, когда Россия перестанет быть врагом религии и оттуда придет смена, или не доживут – неизвестно. Русские люди в изгнании могут только пожелать им сил и Божьего благословения во все растущем подвиге [Зайцев 2018, 215].

Важно здесь, что писатель, несмотря ни на что, верил в грядущий приход перемен в России, и не напрасно.

Поразительно легко в текстах Зайцева сочетается частное, единичное, близкое одному человеку, и – общебытийное, онтологическое. Выше мы приводили пример из очерка об Отейле, где писатель выражал свою уверенность в той взаимозависимости, которая возникает между географическим местом и человеком. В очерке *Финский край. В лесах* встречаемся с подобным философско-эстетическим эффектом.

Хозяйка дома Анна Кауше рассказала писателю о людях, бывавших в нем, и автор комментирует так: «Сами хозяева – уже часть истории этой местности» [Зайцев 2018, 218]. Он воспроизводит рассказ Кауше о своем брате Филадельфе:

Вы ведь знаете, Филадельф был очень, очень верующий человек. Мы когда с ним по Италии путешествовали, то нарочно, по желанию его, заезжали на Сицилию, там разыскали местечко Лентини, где когда-то был замучен св. Филадельф. Поклонились его мощам.

Да, вот и это. И это вошло в мою жизнь, и завтра, идя за грибами, я буду уж я, плюс Филадельф, плюс барон, плюс Лентини [Зайцев 2018, 221].

Очевидно, геопозитическое мышление писателя имело много разнообразных граней, и постижение им ценностного фактора каждого объекта его путешествий отличается богатством интонаций и оттенков философского постижения бытия. Полагаем, исследование творчества Б.К. Зайцева в геопозитическом аспекте, – имея ввиду не только жанр путевых заметок, а весь метатекст автора, – даст немало значимых открытий, ибо философские глубины в сфере взаимодействия человека и пространства, открывающиеся в художественном тексте талантливого автора, поистине безмерны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анри (Глушкова) Н.В. 2001. *Италия в творчестве Б.К. Зайцева*. В: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*. Вып. 3. Калуга: Гриф: 167–174.
- Бахтин Михаил Михайлович. 1975. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике*. В: Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература: 121–290.
- Зайцев Борис Константинович. 1991. *Золотой узор*. В: *Золотой узор: Роман. Повести*. Москва: Интерпринт: 15–298.
- Зайцев Борис Константинович. 2018. *Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью*. Ред. Любомудров А.М. Санкт-Петербург: Издательство «Росток».
- Италия в творчестве Б.К. Зайцева*. В: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*. Вып. 3. Калуга: Издательство «Гриф»: 167–174.
- Комолова Нелли Павловна. 1998. *Италия в судьбе и творчестве Бориса Зайцева*. Москва: Институт всеобщей истории Российской академии наук.
- Комолова Нэлли Павловна. 2006. *Б.К. Зайцев в Италии и об Италии*. В: *Наследие Б.К. Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи*. Орел: ПФ «Картуш»: 119–123.
- Крейд Вадим. 1991. *Поэзия первой эмиграции*. В: *Ковчег: Поэзия русской эмиграции*. Ред. Крейд В. Москва: Политиздат: 3–21.
- Рылова А.Е. 2013. *Значение итальянского текста культуры для представления мотива пути в творчестве Б. Зайцева*. «Вестник Удмуртского университета» Вып. 4: 56–62.

REFERENCES

- Anri (Glushkova) N.B. 2001. *Italiya v tvorchestve B.K. Zajceva* [Italy in the works of B.K. Zaitsev]. In: *Problemy` izucheniya zhizni i tvorchestva B.K. Zajceva* [Problems of studying the life and work of B.K. Zaitsev]. Vy`p. 3. Kaluga, Grif Publ., pp. 167–174. (In Russ.)
- Baxtin Mixail Mixajlovich. 1975. *Formy` vremeni i xronotopa v romane: Oчерки po istoricheskoy poe`tike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics]. In: Baxtin M.M. *Voprosy` literatury` i e`stetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Xudozhestvennaya literature Publ., pp. 121–290. (In Russ.)
- Komolova Ne`lli Pavlovna. 1998. *Italiya v sud`be i tvorchestve Borisa Zajceva* [Italy in the fate and creativity of Boris Zaitsev]. Moscow, Institut vseobshhej istorii Rossijskoj akademii nauk Publ. (In Russ.)
- Komolova Ne`lli Pavlovna. 2006. *B.K. Zajcev v Italii i ob Italii* [B.K. Zaitsev in Italy and about Italy]. In: *Nasledie B.K. Zajceva: Problematika, poe`tika, tvorcheskie svyazi* [B.K. Zaitsev's legacy: Problems, poetics, creative connections]. Orel, "Kartush" Publ., pp. 119–123. (In Russ.)
- Krejd Vadim. 1991 *Poe`ziya pervoj e`migracii* [Poetry of the first emigration]. In: *Kovcheg: Poe`ziya russoj e`migracii* [The ark: the Poetry of the Russian emigration]. Ed. Krejd V. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
- Ry`lova A.E. 2013. *Znachenie ital`yanskogo teksta kul`tury` dlya predstavleniya motiva puti v tvorchestve B. Zajceva* [The meaning of the Italian text of culture for the representation of the motif of the way in the work of B. Zaitsev]. "Vestnik Udmurtskogo Universiteta" Vy`p. 4, pp. 56–62. (In Russ.)
- Zajcev Boris Konstantinovich. 1991. *Zolotoj uzor* [Golden pattern]. In: *Zolotoj uzor: Roman. Povesti* [Golden pattern: Roman. Lead]. Moscow, Interprint Publ., pp. 15–298. (In Russ.)
- Zajcev Boris Konstantinovich. 2018. *Otbleski Vechnogo. Neizvestny`e rasskazy`, e`sse, vospominaniya, interv`yu* [Glimpses Of The Eternal. Unknown stories, essays, memoirs, interviews]. Ed. Lyubomudrov A.M. Saint-Petersburg, Rostok Publ. (In Russ.)

